

MEMORIA

Н. Аловерт

ОДНАЖДЫ В АУДИТОРИИ УНИВЕРСИТЕТА

Думаю, многие из тех, кто прожил на свете достаточно долго, оглядываясь назад, думают с удивлением: «Неужели это все происходило со мной? Неужели это была (был) я». И повторяют слова Есенина: «Жизнь моя, иль ты приснилась мне?».

Воспоминания писать трудно. Моя память сохранила прошлое чаще всего в виде отдельных образов и картинок. Иногда между картинками нет связи. Помню настроения, место действия, но не помню буквально сказанных слов. Во всяком случае, не всегда. Трудно уловить воспоминания — что-то туманное, колеблющееся, расплывчатое — сеть слов, и сделать это реальным и определенным. Плохо с фамилиями и именами. Еще хуже с датами. В каком году? Распалась связь времен... <...> Главное, что мне хотелось восстановить, — это время, в которое я жила, вспомнить людей, с которыми свела меня судьба. Из всех периодов моей жизни в советской России до эмиграции самым интенсивным был, вероятно, университетский период [Аловерт 2005: 56].

Первый курс исторического факультета Ленинградского университета, студентов-новичков, собрали 1 сентября 1955 г. в самой большой аудитории факультета, в 70-й. Войдя в помещение, я сделала несколько

шагов и почти сразу увидела девочку с длинными косами и высоким лбом. Девочка стояла и смотрела на меня. Так мы встретились с Таней Бернштам. Это была любовь с первого взгляда, потому что дружба — это тоже любовь. Если это настоящая дружба. А нас с Таней с той первой минуты, когда мы посмотрели друг на друга в 70-й аудитории и до того последнего момента, когда я позвонила из Америки в ее петербургскую квартиру и Танина сестра, Оля, сказала мне, что пятнадцать минут назад она закрыла Тане глаза, связывала дружба-любовь в самом высоком понимании этого слова. Несмотря на расстояние между странами после того, как в 1977 г. я уехала в Америку, ни позднее, когда наши взгляды на многие важные жизненные вопросы разошлись, мы не потеряли нашу любовь и не изменили ей. Мы обе в достаточной степени были нетерпимы. Но никогда между мной и Таней в этот последний период не возникали не только ссоры, но даже дискуссии. Ни по телефону, когда уже стало можно звонить из Америки и не бояться за того, кому звонишь, ни когда, будучи в России, я приезжала к ней утром в Купчино или на Комендантский аэродром, мы завтракали и рассказывали друг другу о себе. Мы обе старались — и очень успешно — не затрагивать спорные темы. Мы обе берегли нашу любовь.

Но это было потом. Я же хочу вернуться вновь к тому первому году нашей дружбы в университете. Рассказать о Таниной жизни в университетские и последующие годы нет возможности: любовь, увлечения, дети, друзья (причем постоянно — в разных компаниях), профессиональные увлечения (тоже совершенно различные) — словом, все, что мы пережили вместе, не уложилось бы ни в одну статью. Поэтому я ограничусь небольшим воспоминанием о значительном эпизоде нашей жизни в университете, которым закончился первый год обучения.

Итак, мы познакомились в 70-й аудитории 1 сентября 1955 г. Наши судьбы вначале были очень похожи, мы обе, на самом деле, не были студентками: нас не приняли в университет.

Таню не приняли, поставив ей за экзаменационное сочинение «двойку». Во-первых, в университет был ограничен процент принимаемых евреев, Таню просто «засыпали». Кроме того, на отца Тани, Александра Натановича Бернштама, известного археолога, в это время начались гонения, в научной печати стали появляться статьи, обвинявшие его в космополитизме. Но профессор исторического факультета археолог П.И. Борисковский, друг Таниного отца, возмутился и как член приемной комиссии потребовал, чтобы ему показали Танино сочинение. Он нашел 13 грубейших придинок. Например, фамилия «Онегин» было подчеркнута и стояла надпись на полях: «О написано с маленькой бук-

вы». Приемной комиссии (не знаю, кому персонально) пришлось согласиться, что в Танином сочинении нет ошибок. Но переделывать двойку даже на четверку посчитали неприличным, и Тане поставили за сочинение тройку. Не помню, какие отметки получила Таня по другим предметам, по-моему, все пятерки, но с «тройкой» по сочинению балл все равно был «не проходной». Я получила по двум предметам четверки, по остальным — пятерки, балл был по закону проходной, но меня не взяли. Кто-то в деканате сказал мне откровенно: мы должны принять мальчиков, пришедших из армии, и дать им стипендию, а вы — внучка академика, вы можете год и без стипендии прожить. Думаю, что в моем случае отрицательную роль сыграла судьба моих родителей, особенно отца, политзаключенного, расстрелянного в 1937 г. В отделе кадров вполне могли знать мою биографию.

Итак, в университет нас не приняли. Но декан Б.М. Кочаков нам и еще, как выяснилось позднее, девяти абитуриентам (среди них был сын священника) разрешил слушать лекции и посещать семинары в качестве вольнослушателей. Возможно, как предполагала моя мама, Кочаков хотел уйти с поста декана, а его не отпускали. И он решил себя скомпрометировать...

Мы с Таней сдали все зачеты и экзамены вполне прилично, по-моему, на одни пятерки. Оценки нам писали на простой бумаге, так как зачетных книжек у нас не было. Но на следующий год нас не зачислили на второй курс, а предложили снова сдавать вступительные экзамены. «Это чистая условность, мы вас примем», — обещал декан. Помню, что мы обе не все вступительные сдали на пятерки, обе получили по каким-то двум предметам четверки, конкурс был в том году очень большой, и нас опять не приняли. Но тот же Кочаков подсказал нам, что делать. Он посоветовал нам ехать в Москву к Шибанову, заместителю министра образования Прокофьева. Кочаков сказал мне наедине в своем кабинете, что Шибанов — человек то ли гуманный, то ли с пониманием, словом — есть надежда. Мы оповестили всех вольнослушателей, собрали у всех листочки с отметками и зачетами (что было не так легко, некоторые преподаватели боялись и листочки не подписывали) и вдвоем с Таней отправились в Москву, где остановились у моих родных.

В тот день, когда надо было подавать заявление с просьбой пересмотреть наше дело вольнослушателей и принять нас в университет, у здания министерства собралась огромная толпа не принятых куда-либо абитуриентов со всей страны. Когда двери открылись, толпа ринулась внутрь. Если бы мы с Таней не схватились за перила лестницы, нас раздавили бы в давке и не заметили бы. В канцелярии Шибанова при-

няли наши заявления и обещали дать ответ через несколько дней. Мы звонили каждый день, и каждый день слышали, что наше дело еще не рассмотрено. Наконец, через неделю мы отправились в министерство. В канцелярии услышали опять то же самое: дело еще не рассмотрено. Тогда в отчаянии я заявила, что пойду к Ворошилову! Почему к Ворошилову? Наверно, бессознательно сработало детское стихотворение, которое все знали: «Климу Ворошилову письмо я написал...». Работница канцелярии засмеялась (даже ее рассмешил мой детский гнев) и вынула из стола наше заявление... На нем была надпись Шибанова: «Безобразия! Кто разрешил вольнослушательство?! Абитуриентов принять, ректору — выговор». Не помню, было ли написано что-то еще. Прочитав слово «принять», мы взяли наше подписанное заявление, вышли на улицу и заревели.

Кочакова сняли с поста декана, нас приняли на второй курс. Так закончился первый год замечательного университетского периода нашей жизни — первый год нашей дружбы, длившейся с этого года до конца Таниных дней.

Первые два года специализации на факультете не было, мы все учились вместе, слушали общие лекции и ходили на одни и те же занятия. Еще во время первого года обучения в нашем здании открыли новый факультет — философский. Это казалось тогда знаком некоторых перемен послесталинского периода, раньше изучать труды философов не полагалось, только труды марксистов-ленинцев, а для этого не нужен был специальный факультет. Помню чудную историю, которую позднее рассказывал мне знакомый: пришел он в Казанский собор [в те годы Музей истории религии и атеизма. — Прим. ред.], а там одна из выпускниц исторического факультета ведет экскурсию и излагает библейские легенды. Мой знакомый, человек весьма эрудированный, послушал, послушал и спросил: «А вы сами Библию читали?» «Нет, — гордо ответила экскурсовод, — я знакома с Библией по первоисточникам!» <...>

С некоторым удивлением я вспоминаю, как студенты старших курсов устроили факультативный вечер, главной темой которого стала безработица. На пригласительном билете (или на самодельной афише, не помню) нарисовали картинку: здание школы с заколоченными окнами и дверьми, на дороге, ведущей к школе, стоит студент с чемоданом в руке и надпись: «Выхожу один я на дорогу, сквозь туман тернистый путь блестит». Это было по тем временам очень смело: безработицы в стране победившего социализма быть не могло! В концерте принимали участие и мы, студенты младших курсов. Таня, например, пела, а я тан-

цевала на столе в купальнике. На шею я повязала платочек с надписью «мир» на разных языках: я привезла его из Москвы <...> После вечера, естественно, разразился скандал, состоялось заседание обкома, где студентов ругали за тему вечера и «пошлые танцы на столе». Впрочем <...> никто, по-моему не пострадал. А некоторые молодые преподаватели и аспиранты стали поглядывать на нас с интересом...

Вообще-то удивительное место — Ленинградский университет. Как будто там стены хранят некий вольнолюбивый дух! [Там же]

Библиография

Аловерт Н. Воспоминания об университете // Русский базар. Нью-Йорк. № 37 (490). 2005. 8–14 сент. С. 56–57.

Р.Ф. Зелинский

РЕЗОНАНС ДУШ: ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА БЕРНШТАМ. ВОСПОМИНАНИЯ

Весть о кончине Татьяны Александровны Бернштам застала меня на больничной койке. По мобильнику сообщили время похорон, и... никаких подробностей. Я недоумевал: как могло такое случиться? Ведь буквально пару недель тому назад я у Татьяны Александровны, живущей в районе ул. Савушкина, гостил и просил ее заступиться за меня в молитве к Господу в связи с моим недугом. И вот случилось так, что эту просьбу она донесет Богу — прямо и непосредственно, и в этом нет сомнения, ибо в жизни своего слова она никогда не нарушала.

Я запомнил Татьяну Александровну в самых мельчайших деталях ее личного обаяния и самобытности, и хочу сразу отметить, что она — человек высокого духовного накала, причем сугубо ленинградской традиции. Вся ее жизнь и научная деятельность связаны с городом на Неве, с его маршрутами, научными и учебными заведениями, с семейным и дружеским окружением, и я не могу ее представить в другой географической среде. Она вела скромную и уединенную жизнь, независимую и